

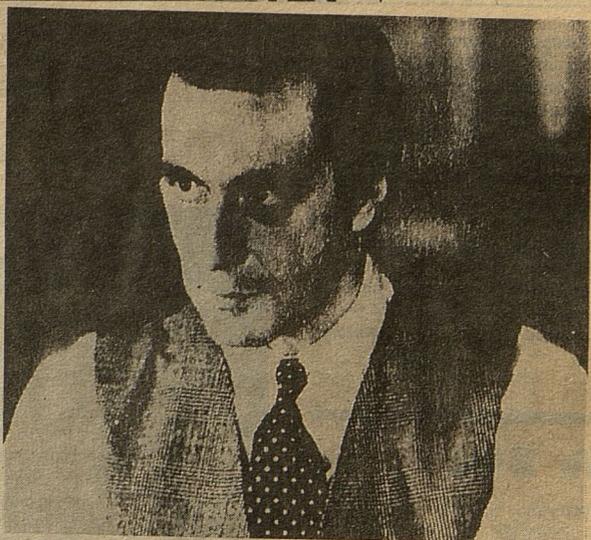
Этого актера семь раз выдвигали на соискание «Оскара», но заветная статуэтка так ни разу ему и не досталась. Может быть, в этом году больше повезет!

Недавно на экраны Америки вышли сразу два фильма с участием Аль Пачино: «Гленгэрри Глен Росс» и «Запах женщины». Последняя лента, поставленная Мартином Брестом, уже успела получить «Золотой глобус» как лучший фильм года.

Наверное, нет нужды представлять этого актера российским зрителям: в нашем прокате шли «Жизнь взаимы», «...И правосудие для всех», три серии «Крестного отца»; телевидение в 1992 году дважды побаловало нас фильмами с участием Пачино, показав «Автора, автора» и «Пугало»; наконец, видеолюбители хорошо знают актера, сыгравшего в лентах «Фрэнки и Джонни», «Море любви», «Лицо со шрамом», «Дик Трэиси». И хотя новые фильмы, идущие сейчас на экранах Америки, появятся у наших видеопиратов в лучшем случае через несколько месяцев, читателям, очевидно, будет небезынтересно ознакомиться с интервью, опубликованным в февральском номере журнала «Премьер» за 1993 год. Аль Пачино рассказывает журналисту Жан-Полю ШАЙЕ о своих старых и новых ролях.

ВИДЕО-ACC
PREMIERE

18-25. 02. 93

Аль
ПАЧИНО:

«ЛИЦЕДЕЙСТВО — ОПАСНОЕ ЗАНЯТИЕ»

— Вы помните момент, когда вам захотелось стать актером?

— Я был тогда очень молод. Лет шести от роду. Меня одного не выпускали на улицу, поэтому я часто оставался дома один, под присмотром бабушки. Чтобы не было скучно, разыгрывал роли из фильмов, которые видел в кино. Мама иногда водила меня в кинотеатр. А еще у меня были две тетушки; одна из них оказалась совершенно глухой. Мне довелось жить с ними целый год; тогда-то и начались мои «уроки актерского мастерства» — ведь мне нужно было как-то объяснить глухому человеку, что мне от него требуется!

— Как назывался первый фильм, который вы посмотрели?

— «Потерянный уикэнд» Билли Уайлдера, в котором Рэй Милланд играет алкоголика. Я очень хорошо помню, как матушка сказала мне: «Смотри, будешь плохо себя вести, станешь таким же!» И она не ошиблась! (Смех). Я едва не стал таким.

— В «Запахе женщины» вы играете слепого. Как вы готовились к такой роли?

— Как и в остальных ролях, я предпочитаю отталкиваться от привычек и повадок реально существовавших или существующих людей. Когда, например, я готовился к съемкам в «Серпико», мне пришлось немало времени провести в обществе Фрэнки Серпико. Когда играешь реально существующего человека, есть твердая основа для работы. Необходимо слиться с этим человеком, ощутить себя в его шкуре, и тогда воображение подскажет, как нужно играть в той или иной сцене.

— Изменился ли ваш метод работы за четверть века?

— Пожалуй, нет. Конечно, приходит опыт, и с годами актер учится иначе подходить к работе. В молодости я погружался в роль с головой и жил в ней на протяжении всего съемочного периода. Сейчас я способен на время расстаться с персонажем, а потом снова войти в его шкуру.

— Может быть, это связано с тем, что сейчас вы больше полагаетесь на технику, а раньше доверяли исключительно инстинкту и внутренней душевной работе?

— Несомненно. Вот уже тридцать лет, как я играю, поэтому, как мне кажется, у меня выработался собственный метод. Сегодня я убежден, что ключ актерского мастерства — открытость. Важно к каждой роли подходить как бы «с нуля», словно ты ничего не знаешь об актерском ремесле.

— Скоро начнутся съемки нового фильма с вашим участием — «Путь Карлито». Вы снова будете работать с де Палмой, который снимал вас в «Лице со шрамом». Скажите, а новый персонаж тоже будет похож на гангстера из «Лица со шрамом»?

— Фильм станет адаптацией двух книг — «Путь Карлито» и «Часы после работы», написанных Эдвином Торресом, судьей Верховного суда, умным и эрудированным человеком. Мой новый герой — вовсе не гангстер и не мафиози. Я играю бывшего преступника, выходящего из тюрьмы и пытающегося начать новую жизнь.

— Что для вас интересно — играть персонажей, стремящихся к смерти, как Слейд в «Запахе женщины», или более комфортные в психологическом плане роли?

— Иногда зритель смотрит забавный эпизод, и ему кажется, что актеры просто забавлялись на съемочной площадке, хотя на самом деле им было вовсе не до смеха. Комедия требует еще более тяжелого и напряженного труда, чем трагедия и драма. Для меня, кстати, самым неприступным жанром была и остается романтическая комедия. В драматических ролях я чувствую себя гораздо увереннее.

— И поэтому они гораздо интереснее для вас в актерском плане?

— Ваш вопрос заставил меня вспомнить наставления моего учителя Ли Страсберга, у которого я занимался в «Экторз студио». Он говорил мне столько мудрых вещей, которые я по глупости и молодости пропустил мимо ушей. Потом я постигал все сказанное им на собственном опыте. Он говорил,

например, что актер учится на ролях, которые написаны не для него, которые он поначалу не чувствует. Такие роли заставляют исполнителя сомневаться в себе, в персонаже, в концепции пьесы. Большое значение имеют внешние факторы, влияющие на работу актера. Особенно если он оказывается звездой какой-нибудь дорогостоящей суперпостановки. Чувствуешь, как на тебя давят, что от тебя ждут чего-то из ряда вон выходящего, и знаешь, что именно тебя будут считать в некотором роде ответственным за успех или провал фильма. Эти тиски, в которые попадает актер-звезда, неизбежно делают его осторожным при выборе новой роли; только очень смелый человек может позволить себе проект, который может провалиться в прокате.

— Но эту проблему можно как-то решить?

— Думаю, для актера лучший выход — как можно больше работать с нестандартным, экспериментальным материалом. Я начал снимать собственные фильмы; это помогает мне выходить за пределы, очерченные крупными киностудиями, исследовать более сложные актерские концепции без риска быть обвиненным в «некассовости». Считаю, что у актеров должны быть специальные ателье, где они могли бы работать — сниматься и снимать, делая эскизы, наброски, эксперименты — словом, поступать, как художники в мастерской. И тогда голливудская коммерческая система не сможет им помешать профессионально совершенствоваться.

— Расскажите подробнее о вашей работе.

— Недавно я закончил работу над фильмом «Местный стигматик»; это лента среднего метража, идет 52 минуты. Снята по пьесе Хиткота Уильямса; я работал над ней много лет. Может быть, когда-нибудь ее даже покажут в кинотеатрах!

— Чего вы хотели добиться в молодости?

— Я начинал как театральный актер. После того как несколько фильмов с моим участием оказались успешными, решил, что мне очень повезло, хотя и не верил, что этот успех — надолго. Театр долго казался мне более надежным пристанищем, поэтому после каждой кинороли я снова возвращался на сцену. А постоянно играя в театре, я мог делать в среднем один фильм в два года. Поэтому у меня и появилась мысль об экспериментальном кино. В 1986 году, когда попытался сам снять «Мелодию для убийства», наконец-то понял, что такое кино! Ведь я к тому времени снимался уже шестнадцать лет. А до этого я просто двигался по съемочной площадке от одной меловой черты к другой и совершенно не интересовался собственно камерой. Тут во мне как будто что-то включилось. И только потом я понял, как обогащает актера подобный опыт, как важно хоть изредка оказываться по другую сторону камеры. Только теперь я смог по-настоящему полюбить кино. Полюбить до такой степени, что больше хочется снимать, чем сниматься. Раньше мне казалось, что ремесло актера — лучшее в мире, а теперь кажется, что счастлив только тот, кто работает за камерой.

— Но вы все-таки испытываете удовольствие от игры?

— Разумеется; это главное в моей работе. Я могу играть только, если испытываю желание это делать. Когда перестану получать от этого удовольствие, прекращу сниматься. Но удовольствие — странное чувство, оно каждый раз ощущается по-разному. Все зависит от того, что делает человек. Сейчас, например, испытываю удовольствие от разговора. Я всегда доволен тем, что мне предлагают роли и у меня есть возможность работать, хотя безработица в актерской среде просто чудовищна. Стараюсь никогда не забывать, что для актера работа — настоящая роскошь. Актер — это эквилибрист, жизнь которого держится на ниточке, и он должен ежедневно и ежечасно карабкаться по ней вверх, зная, что его никто не страхует, и все-таки находить силы подниматься все выше и выше. Согласен, что такое удовольствие можно считать немного извращенным. Но что поделать — лицедейство вообще опасное занятие!

Перевела с французского
Елена ТЕЛИНГАТЕР.